

Стоял знойный летний полдень, самый пик дневной жары. В Павильоне Бамбукового Островка царил привычный хаос. Говорят, конечно, что у истинных заклинателей на сердце всегда покой, а оттого и прохлада их не покидает, но когда тебе едва перевалило за десять, усидеть смирно попросту невозможно. Вокруг стоял такой невообразимый гвалт, что вряд ли кто-то мог расслышать вполголоса перешептывавшуюся четверку.

Жуань Люся, выслушав это, тут же вспыхнула:

— Опять ты болтаешь всякую чушь! Вечно собираешь пустые слухи. Неужели великие праведные ордена опустили бы до такой низости?

Чэнь Ибай не остался в долгу:

— Да я же просто так, языком почесать, а ты сразу всё за чистую монету принимаешь! Будешь и дальше так дуться — вообще больше ничего тебе не расскажу.

Жуань Люся раздулась от злости, точь-в-точь как иглобрюх, но взрываться всё же не стала — сдержалась.

Хоть они с Чэнь Ибаем и препирались по любому поводу, жили они всё-таки в одном дворе и ладили куда ближе, чем с остальными учениками. На людях Жуань Люся ни за что бы в этом не призналась, но в глубине души определённо считала его другом. К тому же она знала, что Чэнь Ибай просто обожает сплетничать, зла ни на кого не держит и имён напоказ не называет. Выслушала — да и ладно.

За этой перепалкой они напрочь позабыли о человеке, который первым завёл этот разговор.

Сэ Чанмин выслушал их и теперь лишь молча, с лёгким равнодушием наблюдал за дружеской ссорой, больше не расспрашивая о подробностях.

Тем временем соседняя очередь растаяла, и подошёл черёд их четвёрки.

Жуань Люся, не привыкшая уступать, тут же протиснулась вперёд, желая записаться первой.

Спорить с ней никто не стал.

Вслед за ней потянулись Чэнь Ибай и Цун Юань. Сэ Чанмин встал в самый хвост.

Закончив с бумагами, Чэнь Ибай окликнул Сэ Чанмина и спросил, не хочет ли тот вместе вернуться во Двор Ясной Луны. Сэ Чанмин сослался на дела, и Чэнь Ибай ушёл один.

За столом регистрации сидела старшая соученица в алых одеждах, на вид лет двадцати. Рядом с ней устроился младший ученик помоложе, приготовив кисть и бумагу.

Старшая сестра звонко спросила:

— Имя?

— Сэ Чанмин.

— У какого ордена обучался прежде?

— Ни у какого. Я свободный практик.

— Какое оружие предпочитаешь?

— Саблю.

Старшая соученица разочарованно вздохнула:

— Надо же, такой красавец — и с саблей. Какая жалость! Тебе бы меч в руки, вот тогда бы отбоя от восхищённых взглядов не было. И правда, упущенная возможность... Слушай, а если ты хоть немного владеешь мечом, я могу порекомендовать тебя в Альянс Небесной Долины. Хочешь?

Сидевший рядом младший соученик оторвал взгляд от записей и со вздохом покачал головой:

— Старшая сестра Чэнь, если вы продолжите в том же духе, я действительно пожалуюсь старшему брату. С вас опять вычтут духовные камни в наказание.

Вглядевшись в лицо Сэ Чанмина, паренёк вдруг замер. На его лице отразилось крайнее изумление — похоже, он вспомнил нечто важное. С трудом подавив желание тут же заговорить, он поспешно затараторил, стараясь скрыть волнение:

— Старшая сестра Чэнь, давайте быстрее, а то мы так и до полуночи всех не запишем.

Сэ Чанмин заметил эту странную перемену, но не подал виду. Закончив отвечать на вопросы, он вежливо попрощался и зашагал прочь.

Младший соученик тут же бросил кисть:

— Старшая сестра Чэнь, мне срочно нужно отойти по делу! Записывайте пока сами, я мигом вернусь!

Сэ Чанмин намеренно покинул забитый людьми Павильон Бамбукового Островка и свернул на безлюдную тропу.

Вскоре со спины его окликнул тот самый паренёк.

Сэ Чанмин остановился и, обернувшись, спросил:

— Мы знакомы?

Завидев, что юноша повернулся, паренёк прямо-таки просиял от восторга и затараторил:

— Благодетель! Благодетель, неужели вы меня не помните?

«Благодетель?»

Сэ Чанмин попытался воскресить в памяти подробности прошлых лет, но лицо юноши не вызывало никаких ассоциаций.

Видя его замешательство, Чжун Хэин мгновенно сдупся. Сменив восторженное выражение лица на понурое, он сокрушённо вздохнул:

— Я Чжун Хэин. Вы спасли меня тогда, а потом передали господину Бай Сяошэну, чтобы он взял меня в ученики.

А, вот оно что.

Стоило упомянуть Бай Сяошэна, как у Сэ Чанмина в голове мгновенно всё прояснилось.

Время от времени он обращался к Бай Сяошэну за сведениями, и тот присылал в ответ бесконечно длинные свитки, где среди прочего без умолку хвастался тем, какой у него смыслённый, послушный и одарённый ученик.

Что до самого Чжун Хэйна, то два года назад Сэ Чанмин буквально вытащил этого маленького оборвыша из логова диких зверей. Мальчишка тогда едва дышал, и Сэ Чанмин просто перепоручил его заботам жившего неподалёку Бай Сяошэна. Раз уж наткнулся — отчего бы не спасти чужую жизнь? Но возиться дальше он не собирался. Сэ Чанмин полагал, что старик приспособит сироту для мелких поручений, но тот, к удивлению, разглядел в нём талант, взял в приемники и даже пристроил в Академию Луинь.

И надо же было такому случиться, что они встретились именно здесь.

Сэ Чанмин сделал полшага назад, деликатно увеличивая дистанцию между ними.

Несмотря на прохладный приём, Чжун Хэин воспрянул духом и с ещё большим жаром воскликнул:

— Я так мечтал встретиться с вами снова! Учитель твердил, что вы заняты чрезвычайно важными делами и вас нельзя беспокоить. Кто бы мог подумать, что судьба сведёт нас прямо в стенах академии!

В представлении Бай Сяошэна Сэ Чанмин был древним монстром — умудрённым опытом, с непостижимо глубоким совершенствованием. По его мнению, этот «старец» прожил на свете не одно столетие, но питал слабость к юношескому облику, дурача окружающих своим невинным видом шестнадцатилетнего юнца.

Сэ Чанмин никогда не спешил развеивать это заблуждение. В конце концов, юный возраст в мире бессмертных часто становился обузой, так что подобный слух шёл ему только на руку.

Слегка нахмурившись, Сэ Чанмин парой мягких, но веских фраз ловко отправил нежданного знакомого восвояси.

Всё было проделано в высшей степени учтиво, но так, чтобы у Чжун Хэина не осталось ни единой лазейки для скорой встречи.

Поскольку парень почитал его за спасителя, спорить он не посмел. Скрепя сердце и то и дело оборачиваясь с жалобным видом, Чжун Хэин всё же поплёлся обратно к павильону.

Сэ Чанмин развернулся и двинулся дальше, но не успел сделать и пары шагов, как заметил затаившуюся в густых зарослях фигуру.

Прислонившись спиной к стволу раскидистого дерева, на него с бесстрастным, ледяным видом взирал Шэн Лююй.

— И с кем это ты сейчас любезничал? — спросил он.

— С одним из младших учеников, — спокойно отозвался Сэ Чанмин.

Шэн Лююй хмыкнул, вскинув подбородок:

— И что, вы с ним впервые встретились?

В его тоне сквозило явное недовольство.

Свое право выпытывать подробности Шэн Лююй находил вполне обоснованным: раз уж этот несносный тип временно набился к нему в наставники, следовало разузнать о его прошлом как можно больше. Да и наблюдал он за ним в последнее время куда пристальнее обычного.

Ему было отлично известно, что Сэ Чанмин держится особняком и не спешит заводить

знакомства. Кроме горстки соседей по Двору Ясной Луны, он ни с кем в академии близко не общался.

Но этого юнца Шэн Лююй видел впервые. Стало быть, они едва знакомы, однако Сэ Чанмин говорил с ним на удивление терпеливо и ласково.

Вспомнив, каким строгим и неприветливым бывал этот негодяй по отношению к нему самому в последние дни, Шэн Лююй помрачнел ещё сильнее.

— Не совсем впервые, — пояснил Сэ Чанмин.

Поскольку теперь ему приходилось регулярно давать уроки, Сэ Чанмин для удобства вправил улавливающий звуки духовный камень прямо в подвешенную к поясу нефритовую табличку.

Шэн Лююй стоял поодаль, но с его чутким слухом Маленькой птицы наверняка уловил обрывки их разговора. Изворачиваться и лгать смысла не имело.

— М? — приподнял бровь Шэн Лююй.

— Я как-то спас ему жизнь. А сегодня мы столкнулись чисто случайно.

Шэн Лююй всё ещё дулся. Оторвавшись от ствола, он неторопливо вышел на тропу и скрестил руки на груди:

— И много у тебя таких спасённых?

Сэ Чанмин слегка опешил от такого напора:

— Нет, единицы.

— Понятно, — безучастно протянул Шэн Лююй, так и не повеселев.

Сэ Чанмин диву давался, отчего тот снова раскис. Характер у этой Маленькой птицы был на редкость капризным, а мысли — путанными и непредсказуемыми. Разгадать их не представлялось возможным. Оставалось лишь предположить, что палящее солнце разморило изнеженную птицу, испортив ей настроение. Слишком густое оперение в летний зной — то ещё наказание.

Впрочем, само присутствие Шэн Лююя в этой глуши наводило на вопросы.

— Ты ждал меня? — любопытствовал Сэ Чанмин.

Шэн Лююй поспешно отвёл взгляд, уязвлённый тем, как легко разгадали его маневр, но сознаваться не пожелал:

— Вовсе нет. Я пришёл лишь для того, чтобы сообщить тебе новость.

— Какую же?

На самом деле Сэ Чанмин узнал обо всём гораздо раньше. Опасаясь непредвиденных обстоятельств, он с самого начала не спускал магического ока с гонца, доставлявшего шкатулку с портретом.

Шэн Лююй размеренно произнёс:

— Мне доложили, что человек со шкатулкой уже пересёк границы Малой Тяжёлой Горы.

Говорил он медленнее обычного, словно тщетно пытался подавить ликование и затаённое детское желание выслужиться.

Увы, Сэ Чанмин этих тонких намёков не уловил.

После недавних откровений Чэнь Ибая он изо всех сил старался выбросить из головы мысли о Сяо Тумао.

Если сопоставить всё, что случилось с ним в двух последующих перерождениях, то в его первой жизни присутствие птицы рядом в момент пробуждения казалось чистой воды случайностью.

И только тогда, в самом начале его пути, у подножия горы повстречался таинственный даос, вручивший ему пилюлю, которую Сэ Чанмин при иных обстоятельствах ни за что не стал бы принимать.

Неужели то снадобье было именно тем запретным зельем, о котором толковал Чэнь Ибай?

Сэ Чанмин не знал наверняка. В своей первой жизни, осознав бесплодность попыток достичь бессмертия и застряв на стадии Золотого Ядра без малейшей надежды на прорыв, он принялся жадно изучать различные побочные учения ради выживания. Кое-что он усвоил поверхностно, кое-что — досконально. Но к искусству создания пилюль душа у него никогда не лежала. Посчитав алхимию бесполезной тратой времени, он даже не притронулся к её основам.

А раз так, то и само существование зелья, упомянутого Чэнь Ибаем, вызывало немало вопросов.

Но если верить его словам, то две нелепые случайности, произошедшие одна за другой, могли оказаться деталями искусного заговора.

Сэ Чанмин привык готовиться к худшему.

Впрочем, даже если против него плели интриги, Сяо Тумао тут был совершенно ни при чём.

Что за глупости? Крошечный, вечно взъерошенный комочек прожил бок о бок с ним целых семнадцать лет. Этот недотёпа не умел ничего, кроме как радовать своего хозяина весёлым щебетом.

Сяо Тумао просто был его птицей — и этого вполне хватало.

И всё же эти мысли изрядно подпортили ему настроение.

Больше всего на свете он ненавидел оставаться в неведении.

Эта тайна уходила корнями в его самую первую жизнь, и распутать клубок теперь казалось задачей невыполнимой.

Потребовалось два перерождения, чтобы отыскать хоть какую-то зацепку, ведущую к потерянному питомцу. Что же говорить о бродячем даосе, чей лик давно стёрся из памяти?

Затянувшаяся пауза озадачила Шэн Лююя.

Он-то полагал, что Сэ Чанмин обрадуется долгожданной вести.

Юноша качнулся на мысках, подаваясь ближе, и тихонько спросил:

— Чего ты молчишь?

В его голосе сквозила то ли детская капризность, то ли невысказанная обида.

Сэ Чанмин вскинул взор. Маленькая птица замерла прямо на границе слепящего солнца и кружевной тени листы.

Из-за удушливой жары Шэн Лююй сменил привычные тяжелые одежды на простое легкое одеяние из тончайшей ткани, которая мягко облегла его стройную фигуру.

Желая расслышать каждое слово собеседника, он повыше приподнял руку с духовным камнем. Широкий рукав соскользнул к локтю, обнажив хрупкое предплечье. Тонкое запястье украшал изящный обруч — единственная драгоценность, которой он побаловал себя сегодня.

Этот юноша казался до того тонким и невесомым, что ни за что нельзя было признать в нём

грозное, величественное создание из древних легенд. Казалось, неосторожное прикосновение способно ранить его или сломать, точно сухую ветку.

Глазя на него, Сэ Чанмин внезапно ощутил неодолимое, ребяческое желание подразнить беднягу.

В конце концов, у него самого на душе скребли кошки, а этот изнеженный птенец так и напрашивался на подножку.

Да и когда это Сэ Чанмин славился добродетелью?

Шэн Лююй обиженно поджал губы. Совершенно не чуя беды, он упрямо добавил:

— Ждать осталось совсем недолго, вот увидишь.

Его щеки слегка порозовели под лучами солнца, сделавшись похожими на тончайший расписной фарфор — гладкий, почти прозрачный и удивительно нежный.

— Верю. На тебя всегда можно положиться, — вкрадчиво произнёс Сэ Чанмин.

Шэн Лююй самодовольно хмыкнул.

На сей раз в этом звуке не было злости — скорее, тайное удовлетворение похвалой.

Слепой юноша не мог видеть лица своего наставника и даже не подозревал, какая коварная усмешка играет на его губах.

— Скажи, ты ведь никогда не снимаешь повязку Облачной дымки? — вкрадчиво поинтересовался Сэ Чанмин.

Шэн Лююй, ни о чём не догадываясь, послушно кивнул.

— Хм, странно, — с притворной тревогой протянул Сэ Чанмин. — Солнце сегодня палит нещадно. Если ты и дальше будешь разгуливать по улице в таком виде, всё твоё лицо загорит, а нежная кожа вокруг глаз, укрытая повязкой, останется мертвенно-белой. Представь только: снимешь ты её однажды, а там...

Он умолк на полуслове, предоставляя Шэн Лююю возможность самому завершить эту жуткую картину.

В воздухе повисла звенящая тишина. Кажется, Шэн Лююй даже дышать перестал.

Спустя томительную минуту он выдавил из себя, чеканя каждое слово:

— Думаешь... действительно загорит?

Для капризного птенца, со всей страстью оберегающего свою безупречную внешность, подобная перспектива граничила с катастрофой.

Он торопливо попятился назад, глубже в спасительную тень листвы, пряча лицо от палящих лучей. Вид у него при этом был на редкость несчастный.

Сэ Чанмин, вдоволь натешившись его испугом, почувствовал, как недавняя хандра бесследно рассеивается.

— Ну так что, возвращаемся? — с напускным сочувствием предложил он.

— Ступай один, — уныло буркнул Шэн Лююй. — Я подожду, пока светило не скроется за горизонтом.

— Но у меня есть зонт, — возразил Сэ Чанмин.

Разумеется, никакого зонта у него при себе не водилось.

Шэн Лююй вскинул голову в его сторону:

— Проводишь меня?

— Конечно, — мягко отозвался Сэ Чанмин.

Свободной рукой, спрятанной за спиной, он сотворил нехитрое заклинание. Спустя мгновение в его ладони уже красовался изящный зонтик, наспех сплетённый из бамбуковых прутьев и широких палых листьев.

Заставить несчастного, только что облапошенного птенца преисполниться искренней признательности к своему обидчику — вот оно, истинное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

<http://bllate.org/book/18249/1750614>